

Гамбарян А. С., Агабекян Ф. О. Коллизии старого и нового конституционных правопорядков в период распада СССР

УДК 372.4
ББК 67.400

© Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и конституционного права ГОУ ВПО Российско-Армянского (Славянского) университета
E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

© Агабекян Феня Оганнесовна, студентка 4-го курса бакалавриата направления «Юриспруденция» РАУ, менеджер кафедры теории права и конституционного права ГОУ ВПО Российско-Армянского (Славянского) университета
E-mail: fenyua.aghabekeyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ: В статье представляются основные тенденции политико-правового развития в период распада СССР и формирования нового правопорядка, в рамках которого представляются основные нормативно-идеологические противоречия старого и нового правопорядков. Представляя правопорядок переходного периода, авторы выделяют государствообразующую роль деклараций независимости советских республик, описывая их политико-правовую сущность, их место и роль в коллизионной регуляции переходного периода и в системе источников конституционного права нового правопорядка, при этом авторы выделяют некоторые постановления конституционных судов советских республик. В статье проводится сравнительно-правовой анализ коллизионных норм, регулирующих коллизии старого и нового правопорядков, содержащихся в декларациях независимости и иных актах переходного периода советских республик.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: распад СССР, действительность и действенность права, декларации независимости, коллизии старого и нового правопорядков, коллизионные нормы, *contra constitutionem*.

Некоторые политико-правовые предпосылки распада советского правопорядка и рождения новой государственности. Синергетика переходного кризиса

«Логика движения от социализма к постсоциализму можно адекватно уяснить лишь в контексте всемирно-исторического прогресса свободы и права. Сегодня мы живем в редкое время — время обновления как самой истории, так и её понимания. Современный кризис социализма обозначил начало нового большого поворота в ходе всемирной истории. В такие эпохи появляется объективная возможность мысленно заглянуть за предстоящий исторический поворот и благодаря такому новому виденью будущего по-новому оценить прошлое и настоящее».

В.С. Нерсисянц

Конец 1980-х годов и начало 90-х в истории СССР знаменуется глубоким политико-правовым кризисом, в результате завершившимся распадом Союза. Переходный период распада СССР сопровождался усугублением политико-идеологического кризиса социализма и иммунной недостаточностью советского правопорядка. Очень часто, представляя правопорядок переходного периода, теоретики сразу начинают с принятия деклараций независимости в конце 1980-х в начале 1990-х годов. Однако принятие деклараций независимости было определенным этапом в политико-правовых преобразованиях переходного периода, его сердцевиной. На самом деле, принятию деклараций независимости предшествует достаточно глубокое осложнение политико-правовых отношений в контексте разрыва идеологии социализма от трансформирующихся материальных условий жизни общества. Лишь в бифуркационном этапе своего развития этот процесс привел к принятию деклараций независимости, находя в них свое нормативное отражение.

С одной стороны, развертывание этого процесса было результатом естественной трансформаций общественных потребностей, связанные с развитием международного права, особенно в сфере прав человека, развитием науки, технологии и т.д., но, с другой стороны, как и распад всякого государства, этот процесс сопровождался факторами внешнеполитического воздействия, которые сыграли роль катализатора в данном процессе. Учитывая все это, для преобразования правопорядка и общественного строя в соответствии с потребностями общества, параллельно с надвигающимся распадом шёл активный процесс перестройки и демократизации социалистической системы, но в результате не смог предотвратить распад государства, а наоборот, способствовал ему. В.С. Нерсесянц отмечает: «характер и логика преобразований в перестроечные и постперестроечные годы наглядно и убедительно продемонстрировали, что демонтаж тоталитарных структур прошлого по сути дела — вопреки замыслу и целям "отцов перестройки" — означает одновременно и преодоление самого социализма» [1].

В рамках перестройки осуществлялось демонтаж политико-партийной властной системы, который сопровождался расширением прав и свобод, признанием идеологического и политического плюрализма и т.д. Система подобных преобразований привела к ослаблению центральной власти, усилению самостоятельности субъектов, что в совокупности переросло в антисоциалистическое качество, создавая реальные возможности для становления центробежных движений в направлении становления национально-государственного суверенитета на местах, что стало решающим фактором для преодоления государствообразующего идеала общесоюзного центра [1].

Каждая неудачная попытка экономического и правового реформирования советского строя усугубляла кризис социализма. Г. Арутюнян характеризует указанный период как «скрытый период» созревания распада, т.к. вместо запланированного осуществления переходного процесса совершались лихорадочные и запоздалые шаги для того, чтобы воспрепятствовать ему и дезориентировать общество. В то же время, указанный период – время потерянных возможностей, ибо никакая подготовительная деятельность для приспособления общества к новой реальности и его задачам не была осуществлена [2, с.45].

Обращаясь к тенденциям правового развития социалистического строя на закате Союза, мы отдельное значение отдаем принятию демократизированной Конституции СССР 1977 года, в которой совмещались два противоборствующих начала: социалистическая идеология и демократические ценности. Несмотря на то, что

демократизацию Конституции встретили воодушевлением, со временем оказалось, что в ней немало подводных камней. Во-первых, Конституция очень неудачно совмещала взаимоисключающие демократическую и социалистическую идеологии и будучи внутренне идеологически несамодостаточным и конфликтным документом, в дальнейшем не смогла противодействовать тому политическому кризису, который закончился окончательным крахом советского правопорядка.

Таким образом, с точки зрения социологического иммунитета, советская Конституция выступала как мертвое право, не отвечающее потребностям общественных устоев, в том числе общественному правосознанию, что есть корень всякого правопорядка, преобразовавшегося вследствие политико-правового кризиса.

Г. Еллинек в работе «Борьба старого права с новым» отмечает: «Бывают эпохи в жизни государства, когда существующему правопорядку противостоят лишь стремящиеся к признанию новые принципы, когда другими словами, стоят друг против друга старые законы с одной стороны и новые – с другой. Но бывают и такие периоды политического развития, когда в государстве совместно существуют два официально признанных правопорядка, один из которых воплощает принципы отжившей эпохи, а другой построен на новых началах. В такие периоды государство живет, как бы двойною жизнью...представляет арену для борьбы между двумя принципиально разнородными правосознаниями» [3].

На начальном этапе революций (переворотов) между собой борются не сами правопорядки, а бессильное право и неправовая сила, однако, и с того момента, как революционная сила преуспевает, её победа придает «неправовой силе» правообразующий потенциал.

Отдельные политологи квалифицируют вышеописанные политико-правовые процессы как «конфликт старой законности и новой легитимности» или «конфликт конституционной и конституирующей властей» [4].

Г. Кельзен отмечает, что с того момента, как старая Конституция утрачивает действенность, а новая приобретает её, законы, изданные при старой Конституции и не воспринятые новым порядком, больше не считаются действительными, а органы, уполномоченные старой Конституцией, не считаются компетентными. Он считал революционную Конституцию, принятую в порядке, противоречащем старой Конституции, действенной Конституцией, а старую Конституцию не действенной, даже если старая Конституция всё ещё сохраняла формальную действительность [5].

После успешных революций происходит столкновение старого и нового правопорядков, в результате чего, как правило, старый правопорядок уступает свое место новому. Борьба старого и нового правопорядков – закономерное явление в революционных периодах. Успех революции фактически является критерием легитимности или нелегитимности нового правопорядка. В случае успешных революций закономерно, что принцип легитимности уступает место принципу эффективности. В этом случае общество отказывается от прежнего правопорядка и формирует новый, действенный правопорядок, который в дальнейшем приобретает действительность [6].

Так несмотря на то, что советская Конституция формально сохраняла свою юридическую силу, с аксиологической точки зрения фактически была недейственной. В таких условиях, вопреки советскому (старому) правопорядку, вследствие реализации *constitutive power* преобразовавшегося общественного правосознания, от формально действующего правопорядка начал формироваться производный правопорядок

переходного периода, который одновременно являлся первым шагом становления новой государственности. Стержнем правопорядка переходного периода выступает декларация независимости, закладывающая аксиологические основы нового государства, на основе которого был принят ряд нормативных актов, которые по своей сущности были актами *ultra vires* и принимались вопреки советскому законодательству.

Формирование правопорядка переходного периода: феномен «малой Конституции»

Декларации независимости советских республик в политико-правовой системе переходного периода. Не случайно, что причины, условия, предпосылки возникновения и развития каждого следующего этапа развития государства и права мы ищем не в нём самом, а в предшествующем его этапе, ибо новый этап развития государства и права всегда зарождается именно в «объятиях» старого. Переходный период – период формирования нового государства, первые его шаги. Государственность – живой организм и его преобразование из одной политико-правовой формы в другую не разрывает его связь с прежним этапом его становления (можно убрать повтор, период становления). Период созревания и становления государственности связаны между собой преемственностью политико-правовых ценностей. И благодаря этой преемственности государственность выступает как «собирательное явление» со всеми этапами своего развития, с его ценностями и основополагающими принципами, вытекающими из духа и характера народа [7]. Более конкретно, имеется ввиду преемственность народного духа, лежащего, согласно Г.Пухте, в основе процесса формирования и развития права, а вместе с ним и государства: «Та же сила, в образе народного духа, которая выдвигает право, образует также и государство, без которого право имело бы неполное бытие». В этом контексте Декларация независимости выступает той генетической нитью, которая связывает переходный период с правопорядком устоявшегося нового независимого государства. И эта генетическая связь, обусловившая преемственность этапов становления государственности, непоколебима. Декларацию независимости, как государствообразующего начала, можно назвать артерией нового независимого государства, обусловившую генетическую преемственность государственно-правовых ценностей и основополагающих государствообразующих принципов между переходным (начальным) этапом развития государства и права и последующими его этапами, то есть разными поколениями одной государственности.

Декларации независимости советских республик – государствообразующие политико-правовые акты, устанавливающие стержневое регулирование жизненно важных для государства общественных отношений перехода от старого к новому правопорядку и закладывающие основные ориентиры и ценности новой государственности. По своей сущности декларации независимости – акты «сверх полномочий» (*ultra vires*), принятые в результате правотворчества *contra constitutionem*. Имея в качестве основы кардинальные изменения системы общественных отношений, декларации независимости - результат самореализации *constituent power* - первоначальной правообразующей силы. Указанные акты обращены к сознанию общества и отражают произошедшие в нем преобразования иерархии ценностей политико-правовой мысли. Будучи результатом *contra constitutionem* правотворчества, декларации независимости, отвергая старый правопорядок, выступают непосредственным выражением «нового» права, установившимся в общественном

правосознании. Принятие указанных актов противоречило формально действующему позитивному праву, однако для них источником права служили материальные условия общественной жизни и произошедшее в его рамках глубинное переосмысление общественно-государственных ценностей, что и привело к исчерпанию действительности старого правопорядка, который в таких условиях фактически действовал настолько, насколько не противоречил логике и ценностям нового государственно-правового мышления. Благодаря своему правообразующему потенциалу декларации независимости выступили основой и инициатором формирования нового правопорядка, становясь его первой искрой.

Принятие деклараций независимости является результатом и нормативным отражением аксиологической реформы конституционной культуры, вбирающей в себя всю глубину общественного правосознания, которое впредь развивалось в направлении создания независимой государственности. Поэтому декларации независимости выступали как живое право и благодаря своей действительности обладали прямым и непосредственным действием несмотря на то, что «смерть» фактически исчерпавшего весь свой потенциал старого правопорядка в момент их принятия юридически не была закреплена.

Указанные акты обладали огромным правообразующим и регулятивным потенциалом и содержали в себе три вида норм, регулирующих соответственно три группы общественных отношений: нормы, предметом регулирования которых являлись общественные отношения непосредственно переходного периода, нормы, регулирующие коллизии старого и нового правопорядков (коллизионные нормы) и нормы, закрепляющие основные принципы и ценности новой государственности.

Если нормы первой и второй групп с потерей своего предмета регулирования исчерпывали себя и потеряли действительность, то нормы третьей группы, закладывающие основы новой государственности, по своему характеру программные и непреодолимые. Они составляют категорический императив для государства, являясь строжайшим конституционным строем. В связи с этим верно то, что воздействовать на государствообразующую декларацию средствами текущего законодательства невозможно. Ретроспективное искажение генетической идентичности государства равносильно его уничтожению, поэтому всякая попытка преодоления государствообразующих постулатов деклараций независимости (что имеет место в некоторых странах постсоветского пространства) имеет тенденции к выростанию в антигосударственное качество. Для наглядности проведем аналогию с природой: дерево не может воздействовать на свой корень, а корень питает дерево, обуславливая его вид, устройство и т.д. Также декларация независимости является корнем и идеологическим началом государственности, выступая в качестве его непреодолимой гарантии, «малой Конституцией» переходного периода.

Коллизионные нормы деклараций независимости советских республик. Параллельно советскому правопорядку возник и начал развиваться противоположный ему – правопорядок переходного периода, формирование которого было естественным явлением, ибо, как уже было отмечено, советский правопорядок больше не отвечал нарастающим потребностям общества и не справлялся с тем политико-правовым кризисом, который усугублялся с развитием центробежных настроений и национально-территориальных конфликтов между субъектами Союза. В таких условиях общественно-государственного развития сосуществование двух противоречащих правопорядков приводил к отмиранию прежнего, советского, правопорядка и системному развитию нового, что стало источником для возникновения массовых коллизий между ними,

которые способствовали разложению старого правопорядка.

Как и следовало ожидать, дуализм права, который присущ чрезвычайным периодам развития государства и права, породил иное аномальное с точки зрения позитивного права явление, что в свою очередь также было продиктовано описанной политико-правовой обстановкой. Для обеспечения возможности параллельного сосуществования элементов старого и нового правопорядков в ряде советских республик принимались правовые акты, содержащие коллизионные правила, для разрешения противоречий между старым и новым законодательствами.

Отметим, что т.к. законодательная система новой государственности не была построена, конституционный учредитель вынужден был сохранить действия многих советских законов. По замыслу Учредителя указанные законы должны были действовать до того, как новые законы будут приняты. Однако, учитывая несовершенства законотворческой деятельности, вызванные как объективными, так и субъективными факторами, некоторые элементы дуализма старого и нового правопорядков сохраняются до сих пор. Например, в Республике Армения до сих пор действует КоАП АССР от 06.12.1985.

Коллизионная регуляция вращалась вокруг верховенства принципов и ценностей нового правопорядка: старое право действует настолько, насколько не противоречит новым устоям, как правило, закрепленным в декларациях независимости. И это касалось не только обычных законов: данной диагностике подвергались в первую очередь Конституции. Центральными коллизионными регуляторами переходного периода выступали декларации независимости, на основе которых в результате правотворчества *contra legem* принимались законодательные акты «сверх полномочий» (*ultra vires*), также содержащие коллизионные регулирования. И дальнейший анализ покажет, что стержневым критерием коллизионных разрешений являлось соответствие советских законов именно основополагающим принципам и ценностям деклараций независимости.

Коллизионная регуляция переходного периода была двухуровневой. Первый уровень - установление верховенства законодательства советской республики над общесоюзным законодательством. Второй уровень – устанавливание верховенства основополагающих принципов нового правопорядка над советским законодательством союзной республики. Т.е. законы СССР действовали настолько, насколько не противоречили законам союзной республики, а последние действовали настолько, насколько не противоречили устоям нового правопорядка.

Вышеописанный процесс в истории наименовался «войной законов», которая развертывалась параллельно с «парадом суверенитетов» союзных республик в конце 1980х и в начале 1990-х годов. Указанный процесс был расцветом политико-правового кризиса. «Война законов» берет начало с принятия деклараций о провозглашении суверенитетов союзных республик, когда последние массово признавали верховенство своих внутренних законодательств над центральным законодательством СССР. Как было отмечено, центральным инструментом войны законов выступали государствообразующие декларации советских республик, которые с помощью коллизионных норм регулировали соотношение старого и нового правопорядков. Дальше, на примере нескольких советских республик продемонстрируем развертывание указанного процесса.

Эстонская ССР. Первой республикой, начавшей процесс развертывания «войны законов», является Эстония, Верховный Совет которой 16 ноября 1988 г. принял Декларацию ЭССР «О суверенитете Эстонской ССР» [8]. В ней Верховный Совет

декларирует верховенство законов Эстонской ССР на территории Эстонской ССР, а также устанавливает, что изменения и дополнения Конституции СССР на территории Эстонской ССР вступают в дальнейшем в силу после их одобрения Верховным Советом Эстонской ССР и внесения соответствующих изменений и дополнений в Конституцию Эстонской ССР.

16 мая 1990 года Верховным Советом Эстонской ССР был принят закон «Об основах временного порядка управления Эстонией», который среди прочего, устанавливал, что «все действующие до сего времени на территории Эстонии нормативные акты действуют до отмены или изменения их Верховным Советом Эстонской Республики либо Правительством Эстонской Республики или если они не противоречат настоящему закону или последующим нормативным актам Эстонской Республики» [9]. Указанный закон был направлен на одностороннее прекращение подчиненности органов государственной власти и управления, суда и прокуратуры Эстонии соответствующим органам СССР, тем самым противоречил Конституции и основам законодательства союза.

Литовская ССР. 26-го мая 1989 года Верховным Советом Литвы была принята Декларация «О государственном суверенитете Литвы», согласно которой Верховный Совет Литовской ССР провозглашает, что отныне в Литовской ССР, с принятием поправки к статье 70 Конституции Литовской ССР, имеют силу только принятые или ратифицированные Верховным Советом законы. Указанным регулированием декларация предусмотрела поправку статьи 70 Конституции Литовской ССР, которая гласила, что законы СССР обязательны на её территории. Однако в текст Конституции не были внесены соответствующие изменения. Согласно официальному сайту опубликования законодательных актов Литвы в Конституцию Литовской ССР 1978г. никакие изменения не были внесены [10]. Несмотря на это, *de facto* действовало положение декларации, доказательством чего является принятие законов о государственной символике Латвии, а также закона о гражданстве Литовской ССР 1990 г. [11, с. 9-10]. Указанное доказывает нашу позицию: в правопорядках переходных периодов, сопровождавшихся сильными политико-правовыми потрясениями, некоторые позитивно-правовые инструменты могут не действовать. В такие времена первостепенным является не формальная действительность права, а его фактическая действительность. В дальнейшем 11 марта 1990 г. Верховным Советом Литовской ССР были приняты три акта: Декларация, наименованная «Акт о восстановлении литовского государства», Закон «О восстановлении действия Конституции Литвы от 12 мая 1938 года» и Закон «О временном Основном законе Литовской Республики». Последний прекратил действие Конституции СССР от 7 октября 1977 года, а также Основ законодательства Союза ССР и союзных республик, других законов СССР на территории Литовской Республики, возобновив действие Конституции Литвы от 12 мая 1938 года на всей территории Литовской Республики, приостановив действие разделов и статей, регламентирующих статус Президента Республики, Сейма, Государственного Совета и Государственного Контроля [12].

Латвийская ССР. Декларация Верховного Совета Латвийской ССР «О восстановлении независимости Латвийской Республики» [13] была принята 4 мая 1990 года. Декларация восстановила действие Конституции 1922 года, потом приостановила, кроме действия статей, изменяемые только всенародным голосованием. Декларация допускали применение норм Конституции и иных законодательных актов Латвийской

ССР в той части, в которой они не противоречили Конституции Латвии 1922 года. Складывалась ситуация, при которой в стране действовали две Конституции, обе частично. Также декларация предусматривала механизм решения противоречий между старым и новым правопорядками. Так, в случаях спора вопросы применения законодательных актов разрешаются Конституционным судом Латвийской Республики.

Конституционный суд Латвии в своем решении от 29.11.2007 г. отметил, что может рассматривать вопросы соответствия законов Декларации независимости. В том числе может оценить любой оспариваемый нормативный правовой акт с точки зрения его соответствия преамбуле Декларации, ибо она является её составной частью. Суд также отметил, что Декларация независимости регулирует наиболее фундаментальные с точки зрения конституционного права проблемы, в силу чего нормы декларации должны признаваться нормами конституционного права, которые наделены обязательной юридической силой несмотря на то, что данный акт не был принят в порядке, предусмотренным Конституцией [14].

Армянская ССР. Декларация «О независимости Армении» [15] была принята 23 августа 1990 г. Верховным Советом Армянской ССР. В преамбуле декларации отмечается, что она принимается, основываясь на совместном Постановлении Верховного Совета Армянской ССР и Национального Совета Нагорного Карабаха от 1 декабря 1989 года «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха», развивая демократические традиции образованной 28 мая 1918 года независимой Республики Армения и имея целью создание демократического, правового общества.

Борьба за независимую Армению началась с обострения Арцахского (Карабахского) вопроса, и именно освободительная борьба инициировала создание независимой государственности, что и, собственно, отразилось в преамбуле Декларации.

Отметим, что после принятия вышеуказанного совместного Постановления Верховного Совета Армянской ССР и Национального Совета Нагорного Карабаха Президиумом ВС СССР было принято постановление «О несоответствии Конституции СССР актов по Нагорному Карабаху, принятых Верховным Советом Армянской ССР 1 декабря 1989 года и 9 января 1990 года», в котором соответствующие акты ВС АССР по Нагорному Карабаху, в том числе и вышеупомянутое совместное постановление, признавались противоречащими Конституции и не обладающими юридической силой. Однако указанное постановление никак не повлияло на развитие политико-правовых процессов Армении и Арцаха (Нагорного Карабаха). Наоборот, упомянутое совместное постановление легло в основу декларации независимости, становясь основой для правопорядка независимой Армении. И не случайно, что согласно официальному сайту армянской законодательной системы www.arlis.am указанное постановление до сих пор сохраняет свою юридическую силу.

Важно иметь в виду, что упоминание о развитии демократических традиций первой Республики Армения 1918-1920 гг. не означает её восстановление с установлением юридической преемственности, а свидетельствует о восстановлении утраченной независимой государственности и устанавливает аксиологическую преемственность между двумя самостоятельными государствами – первой и третьей республиками Армения, которые, в сущности, есть выражение одной единой армянской государственности.

Декларация, согласно пункту 12, служит основой для разработки Конституции Республики Армения, внесения изменений и дополнений в действующую Конституцию,

деятельности государственных органов, разработки нового законодательства Республики. Данный пункт устанавливает верховенство Декларации по отношению новой Конституции и законодательной системы РА, также по отношению деятельности государственных органов. Согласно Преамбуле Конституции Республики Армения, Конституция основывается на фундаментальных принципах армянской государственности и общенациональных целях, закрепленных в Декларации о независимости Армении.

Конституционный суд РА несколько раз обращался к вопросу юридической силы Декларации о независимости Армении. Конституционный суд РА в ПКС-850 от 12.01.2010, в котором рассматривал вопрос конституционности протокола «О развитии отношений между Республикой Армения и Республикой Турция», признал преамбулу Конституции РА конституционной нормой и установил, что положения Протокола в законотворческой и правоприменительной практике, а также в межгосударственных отношениях не могут толковаться и применяться образом, противоречащим положениям преамбулы Конституции РА и требованиям пункта 11 Декларации о независимости Армении [16]. В данном постановлении Конституционный суд РА ясно показал, что критерием конституционности действий государственных органов является их соответствие основополагающим принципам и целям Декларации о независимости Армении. В дальнейшем Конституционный суд в ПКС-1590 от 29.04.2021 признал преамбулу Конституции неизменяемой конституционной нормой [17].

Декларация независимости Армении стала основой для построения законодательства переходного периода. Согласно принятому 10-го декабря 1990 г. конституционному закону РА «О законодательных актах, принятых в соответствии с «Декларацией о независимости Армении»», до принятия Конституции РА приостанавливалось действие норм действующей Конституции, которые противоречат законам Верховного Совета, принятым на основании Декларации о независимости Армении [18]. В дальнейшем 25-го сентября 1991 г. был принят конституционный закон «Об основах независимого государства», который до принятия Конституции устанавливал конституционные основы Армении в соответствии с положениями Декларации о независимости. Статья 16 конституционного закона гласила: «До принятия новой Конституции Республики Армения действующие конституция и законы действуют в части, не противоречащей настоящему закону и законодательным актам, принятым на основании Декларации о независимости Армении» [19]. Конституция Республики Армения вступила в силу 13 июля 1995 г., в тот же день указанный конституционный закон, как и предполагалось, потерял силу.

Грузинская ССР. В Грузинской ССР 14 ноября 1990 г. был принят закон «Об объявлении переходного периода в Республике Грузия». Верховный Совет Республики Грузия объявляет переходный период в Республике Грузия, в течение которого должны были быть подготовлены реальные основы восстановления государственной независимости Грузии. Закон устанавливал, что до выработки новой Конституции существовавшая Конституция Грузинской ССР с соответствующими изменениями и дополнениями будет действовать в соответствии с требованиями переходного периода как временный Основной Закон Республики Грузия. Закон предусматривал изменения в Конституцию Грузинской ССР, среди которых было следующее коллизийное положение: «На территории Республики Грузия действуют законы Республики Грузия и законы Союза ССР, Верховный Совет Республики Грузия приостанавливает действие законов и подзаконных актов Союза ССР на территории Республики Грузия, если они противоречат

законам и интересам Республики Грузия. В случае расхождений между Законом Республики Грузия и Законом Союза ССР на территории Республики Грузия действует Закон Республики Грузия».

Декларативный Акт о восстановлении государственной независимости Грузии был принят после принятия указанного закона 9 апреля 1991 г. и восстановил первую Республику Грузия 1918-1921 гг. В декларации устанавливался примат международного права в отношении законов Республики Грузия и прямое действие его норм на территории страны, в качестве одного из основных конституционных принципов Грузии [20].

Азербайджанская ССР. 23 сентября 1989 г. Верховным Советом Азербайджанской ССР был принят конституционный закон, пункт 6 которого гласит: «Законы Азербайджанской ССР действуют на всей территории Азербайджанской ССР. На территории Азербайджанской ССР действуют Законы СССР, не нарушающие суверенные права Азербайджанской ССР» [21].

В дальнейшем, 30 августа 1991 г. была принята Декларация ВС АССР «О восстановлении государственной независимости Азербайджана» [22]. В ней провозглашался восстановление независимости первой Республики Азербайджан 1918-1920 гг. и устанавливает юридическое правопреемство между первой и третьей республиками. На основании указанной декларации Президентом был принят Конституционный акт «О государственной независимости Азербайджанской Республики» (18.10.1991), согласно ст. 4 которого «Конституция Азербайджанской Республики 1978 года действует постольку, поскольку не противоречит положениям Конституционного Акта». В ст. 32 Акта говорится, что он служит основой для разработки новой Конституции Азербайджана [23].

После принятия вышеперечисленных и подобных им иных актов, которые не упомянуты в данном исследовании, центральные власти издавали акты о признании актов советских республик, противоречащих Конституции СССР, потерявшими юридическую силу и недействительными.

10 ноября 1989 г. Президиумом Верховного Совета СССР было принято Постановление «О несоответствии некоторых законодательных актов союзных республик Конституции СССР», которым Президиум ВС СССР негативно оценивал законотворческую деятельность государственных органов советских республик по укреплению и расширению их самостоятельности от центра, в частности Литовской, Латвийской, Эстонской, Азербайджанской ССР, и устанавливал, что эти акты не могут действовать, в силу того, что противоречили Конституции СССР [24].

В дальнейшем 19 мая 1990 г. президентом СССР М. Горбачевым был принят указ «О недействительности закона Эстонской ССР об основах временного порядка управления» [25], 14 мая 1990 г. был принят Указ «О Декларации Верховного Совета Латвийской ССР «О восстановлении независимости Латвийской Республики», которым Президент объявил декларацию не имеющей юридической силы с момента принятия, в силу того, что противоречил Конституции СССР и основам советского законодательства [26]. Однако никакой из этих актов не смог повернуть ход «войны законов» и предотвратить падение советского правопорядка. Причиной этому, как неоднократно было отмечено, выступало то, что в идеологическом аспекте советский правопорядок потерял действенность и не обладал тем правообразующим потенциалом, чтобы предотвратить распад Союза и образование основ нового правопорядка.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, заключаем, что правопорядок переходного периода, который возникает вследствие политико-правового кризиса, охватывает всю систему политических отношений, и отражается в общественном правосознании, подвергая последнего аксиологическому преобразованию, выступает в качестве правового фундамента для формирования новой формы государственности. Центральными основополагающими актами правопорядка переходного периода выступают декларации независимости, которые, становясь «малой Конституцией», отражают аксиологическую стержень формирующего государства.

Библиография:

1. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. — М.: Норма, 2005. — С.369.
2. Арутюнян Г.Г., Манасян А.А. Конституционный надзор: учебное пособие для ВУЗов. – Ереван. «Право», 2015, стр. 45 (на армянском языке).
3. Еллинек, Георг. Борьба старого права с новым. Пер. с нем. М., 1908.
4. Медушевский А. Российская модель конституционных преобразований в сравнительной перспективе // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 2 (43). С. 156, 157.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. СПб.: 2015. С. 260-261.
6. Гамбарян А. «Указ Президента РФ № 1400 – правомерный акт contra constitutionem». Вестник Конституционного Суда РА, № 1, 2023.
7. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Постсоветское государство и право: состояние и перспективы развития: монография. – Москва: Проспект, 2021. – 400 с. ISBN 978-5-392-34092-7.
8. Декларация Верховного Совета Эстонской Советской Социалистической республики «О суверенитете Эстонской ССР» // URL: <https://www.gorby.ru/userfiles/estonia.pdf>
9. Закон ВС Эстонской ССР «Об основах временного порядка управления» от 16.05.1990г. // URL: <http://surl.li/gsvpw>
10. Конституция Литовской Советской Социалистической Республики (Основной Закон) 20.04.1978 / Правительственный вестник, 1 января 1978 г., № 11-130. URL: <http://surl.li/gvsxg>
11. Потапов А.К. Развитие процессов суверенизации в общественно-политической деятельности Верховных Советов прибалтийских республик (1988-1991 гг.), Научный журнал КубГАУ, №111(07), 2015 года, стр. 9-10.
12. Закон ВС Литовской ССР от 11 марта 1990 года «О восстановлении действия Конституции Литвы от 12 мая 1938 года»// URL= [https:// e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.73782?jfwid=6q3vtxx00](https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.73782?jfwid=6q3vtxx00)
13. Декларация ВС Латвийской ССР «О восстановлении независимости Латвийской Республики» от 04.05.1990 // URL: <https://www.gorby.ru/userfiles/latvia.pdf>
14. Гюлумян А. 2010. Преамбула Конституции. Комментарии к Конституции РА. Ереван: Право, 2010 г.
15. Декларация ВС Армянской ССР «О независимости Армении» от 23.08.1990г. // URL: <https://www.gov.am/ru/independence/>
16. ПКС РА №850, от 12.01.2010 // URL: <http://surl.li/gvtbs>

17. ПКС РА №1590 от 29.04.2021 // URL: <http://surl.li/gvtbw>
18. Конституционный закон РА «О законодательных актах, принятых в соответствии с «Декларацией о независимости Армении»» от 10. 12.1990 // URL=<https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=71>
19. Конституционный закон РА «Об основах независимого государства» от 25.09.1991 // URL: <https://www.arlis.am /DocumentView.aspx?docID=2>
20. Декларация ВС Грузинской ССР «Акт о восстановлении государственной независимости Грузии» от 09.04.1991г. // URL: <http://surl.li/gvsyn>
21. Конституционный Закон Азербайджанской ССР О Суверенитете Азербайджанской Советской Социалистической Республики//принят Верховным Советом АССР 23.09.1989. URL: <https://www.gorby.ru/userfiles/azerbaidgan.pdf>
22. Декларация ВС Азербайджанской ССР «О восстановлении государственной независимости Азербайджана» от 30.08.1991г. // URL: <http://surl.li/gvswx>
23. Конституционный акт о государственной независимости Азербайджанской Республики (18.10.1991), // URL: <http://surl.li/gsvpt>
24. Постановление Президиума ВС СССР «О несоответствии некоторых законодательных актов союзных республик Конституции СССР» от 10.11.1989 // URL: <http://surl.li/gvswj>
25. Указ Президента СССР «О недействительности закона Эстонской ССР об основах порядка управления» от 19.05.1990г. // URL: <http://surl.li/gvswe>
26. Указ Президента СССР «О Декларации Верховного Совета Латвийской ССР «О восстановлении независимости Латвийской Республики» от 14.05.1990г. // URL: <http://surl.li/gvsvy>

Conflicts of the old and new constitutional legal orders during the collapse of the USSR

© *Ghambaryan Artur Sirekanovich, Doctor of law, Professor, Head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law of the SEI of HPE of the Russian-Armenian (Slavonic) University*

E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

© *Aghabekyan Fenya Ogannesovna, 4th year bachelor's student in the field of "Jurisprudence" of RAU, manager of the Department of Theory of Law and Constitutional Law of the SEI of HPE of the Russian-Armenian (Slavonic) University*

E-mail: fenya.aghabekyan@gmail.com

ABSTRACT: The article presents the main tendencies of political and legal development during the collapse of the USSR and of the formation of a new legal order, within which the main normative and ideological contradictions of the old and new legal orders are presented. Presenting the legal order of the transition period, the authors highlight the state-forming role of the declarations of independence of the Soviet republics, describing their political and legal essence and their place and role in the conflict regulation of the transition period and in the system of sources of constitutional law of the new law order, within which the authors highlight some decisions of the constitutional courts of the Soviet republics. The article provides a comparative legal analysis of the conflict rules governing the conflicts of the old and new legal

orders contained in the declarations of independence and other acts of the transitional period of the Soviet republics.

KEY WORDS: collapse of the USSR, validity and effectiveness of law, declarations of independence, conflicts between the old and new legal orders, conflict norms, contra constitutionem.

